

СВЕРДЛОВСКИЙ СТРОИТЕЛЬ

ОРГАН УПРАВЛЕНИЯ СВЕРДЛОВСКОГРСТРОИ И ОБКОМА ПРОФСОЮЗА
РАБОЧИХ СТРОИТЕЛЬСТВА И ПРОМЫШЛЕННОСТИ СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ

№ 1 (2265).

СУББОТА, 1 ЯНВАРЯ
1966 г.Год издания
XXIV

Цена 1 коп.

В ОТ и наступил год новой пятилетки.
год 1966-й...

Каждый советский человек с гордостью обзирает путь, пройденный за истекший год. Это был год успешного развития нашего общества, год замечательных достижений миллионов тружеников на стройках коммунизма, больших свершений в производстве, науке и культуре.

В наступившем году советским людям предстоит внести новый вклад в создание материально-технической базы коммунизма. Одним из этапов на этом пути станет одобренный декабрьским (1965 год) Пленумом ЦК КПСС и принятый седьмой сессией Верховного Совета СССР Государственный план развития народного хозяйства СССР на 1966 год — первый

Нынешний год будет необычным. В марте соберется XXIII съезд партии, который явится выдающимся событием в жизни нашей страны. Весь советский народ готовится встретить съезд новыми трудовыми свершениями. Съезд примет директивы по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966—1970 годы.

Важное значение для развития экономики нашей страны, расширенного воспроизводства основных фондов и улучшения коренных народнохозяйственных пропорций имеет программа капитального строительства. Объем капитальных вложений за счет всех источников финансирования увели-

чивается в 1966 году на 6,4 процента и составит 52,9 миллиарда рублей. За счет этих средств будут осуществлены крупные мероприятия по техническому перевооружению действующих предприятий и завершению строительства пусковых и других объектов, а также расширение жилищного и культурно-бытового строительства.

В минувшем году свердловчане добились больших трудовых успехов. Промышленность города досрочно выполнила годовой план. Выросли новые жилые кварталы, заводы, школы, детские учреждения.

Значительный вклад в дело дальнейшего раз-

вития экономики Свердловска, роста его культуры и благосостояния трудящихся внесли строители.

Коллектив Свердловскгорстроя выполнил большой объем работ по строительству жилья, объектов промышленного и культурно-бытового назначения.

Между тем, результаты работы Свердловскгорстроя могли быть несколько выше. Целый ряд причин мешал строителям в выполнении государственного плана. И задача состоит в том, чтобы с первых дней года улучшить работу.

Дорогие товарищи строители! Поздравляем вас с Новым годом! Желаем новых успехов в труде на благо Родины!

ЦУМ—Е СТРОЮ!

Коллектив 9 управления треста Свердловскгражданстрой сдал в эксплуатацию Центральный универмаг по Банковскому переулку. Работа строителей оценена на «хорошо». Это один из подарков свердловских строителей горожанам к новому году.

ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТОМУ

Снова в ночь меня лыжня уводит.
За спиной — завьюженный пустырь...
Я иду на встречу с Новым годом,
С Новым годом, шестьдесят шестым.
Он — в пути. Идет землею белой,
Городами, селами идет.
И всему, что мы успели сделать,
Удивляться не перестает.
Звезды в небе — крохотные блюдца.
Захочу — смогу рукой достать...
Как бы с ним в пути не разминуться:
Ведь в лесу лыжней — не сосчитать.
Лихо как вывистывает вьюга!
Атакует с ходу белый холм.
Долгожданного привечу друга
Не цветами — праздничным стихом.
Проведу его на наши стройки.
Старые дома идут на слом.
Вместо них — высотные! А сколько
Мы таких красавцев возведем!
Новый год... Привет тебе, дружище!
Ты узнай, пожалуй, будешь рад:
Вызревает на Урале вишня,
Плодоносить начал виноград.
Нам с тобой трудиться днем и ночью,
Защищать святое дело — мир.
Пару прочных рукавиц рабочих
От меня ты, Новый год, прими.
Из страны в страну идешь без виз ты.
В честь тебя, я час назад узнал:
Сталевары, труженики ВИЗа,
Выдали сверхплановый металл.
На Посадской улице веселье. —
Пусть грозитя холодом зима —
Там большая радость — новоселье
В новеньких, с иголочки, домах.
Новый год — в пути. Его мы встретим
Песням счастья, радости — звенеть!
Вся земля сегодня до рассвета
Не погасит праздничных огней.

В. ЕЛИСЕЕВ,
монтажник-верхолаз
управления механизации № 2.

УРАЛЬСКИЙ ПИСАТЕЛЬ ИВАН ИВАНОВИЧ АКУЛОВ — АВТОР ПОВЕСТЕЙ «ДВУМЯ ДОРОГАМИ», «ВАРНАК», СБОРНИКА РАССКАЗОВ «КАПЕЛЬКИ-ЖИВИНКИ».

СЕЙЧАС ПИСАТЕЛЬ ЗАКАНЧИВАЕТ РАБОТУ НАД НОВЫМ РОМАНОМ «В ВЕЧНОМ ДОЛГУ», КОТОРЫЙ ПОСВЯЩЕН МОЛОДЫМ АГРОНОМАМ, ПРОБЛЕМАМ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЗЕМЛИ И ЧЕЛОВЕКА.

РОМАН БУДЕТ ОПУБЛИКОВАН В ЖУРНАЛЕ «УРАЛ» В ПЕРВЫХ ТРЕХ НОМЕРАХ В 1966 ГОДУ. ОТДЕЛЬНОЙ КНИГОЙ ВЫИДЕТ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ».

СЕГОДНЯ МЫ ПРЕДЛАГАЕМ ВАШЕМУ ВНИМАНИЮ ГЛАВУ ИЗ ЭТОГО РОМАНА.

КЛАВА отчего-то проснулась до солнца. В избе духовито пахло свежим луком и квашней. Где-то под потолком сонно гудела муха. Августовская ночь поосеннему дохнула на стекла окон, и они запотели. Клава повернулась на спину, зевнула и, дотянувшись рукой до платья, взяла его. Задумалась. Когда она вышла на росное крыльцо, сыроватый неподвижный воздух зябко припал к ее теплым ногам, пробежал по всему телу и приятно испугал ее. Клава открыла ворота и, прячась за столбом, выглянула на улицу. Пусто кругом. Только над рекой Кулим стоит туман. Он белый, густой, видимо, очень студеной, и Клава, подумав об этом, вздрогнула коленками. Не закрывая ворот, она выпустила из хлева корову и проводила ее со двора. Корову ленивым взглядом обвела пустынную улицу, вытянула шею и без передышки промывала несколько раз крыду — на том конце Дядлово таким же заходным мычанием ей отозвалась другая...

А между тем поднималось солнце. Горланили петухи. Где-то звонко и свежо лаяла собака, очевидно, крепко спавшая всю ночь. На мосту через Кулин грохотала телега. Утро.

Клава вынесла из сенок деревянную чашку с зерном и начала было скликать кур, но вдруг вспомнила, что сегодня в девять утра Сергей с отцом поедут на станцию. Вспомнила, и это свежее, чистое утро, и веселые суетливые куры, и деревянная чашка с пшеницей — все перестало для нее существовать. К чему все это, когда в Дядлово не будет Сергея.

Она одним махом высыпала на землю зерно — куры сбились на нем в легкий комок, перья закружились по двору.

Клава в горнице надела свое праздничное голубое платье, прибрала волосы, белесые брови подвела сожженной спичкой, взялась обтирать туфли, всплывая на лаковые носочки.

— Ты куда это, голубица? — встала перед ней мать. — Али на сушилку в добром платье?

— Сергей уезжает сегодня. — Какой еще Сергей? — Лузанов, мамонька. — А тебе что за дело? — Пойду провожу...

— Окстись, — Матрена вырвала из рук дочери туфель и перешла на крик. — Не пойдешь, сказала. Рано еще тебе о женихах думать. Снимай платье. Снимай сейчас же. Вырядилась...

— Я на часок, мамонька. Только погляжу.

— Нечего глядеть. Собирайся на работу.

— Мамонька...

— Не выводи меня из терпения, Клава.

— Что я, девчонка, ты кричишь на меня.

— Да ты еще и разговаривать, — Матрена Пименовна замаяхнула на дочь, погугать только хотела, но рука сама упала на Клавино плечо. Матрена Пименовна испугалась: в ответ от дочери всего можно ждать, но сказала так же грозно:

— Я ведь не посмотрю, что ты работница. Я... Клава невидящими глазами поглядела на мать и вдруг прижалась головой к ее плечу.

— Мамонька, знала бы ты...

— Ну-ну, — слезливо залепетала Матрена Пименовна. — ну-ну. Одни мы с тобой, Клава. И долго ли нас обидеть. Матренина Клава сама виснет на шею парню.

— Кто скажет-то, мамонька. Я только издали...

— Гордые они, Лузановы. Не с пары нам, Клава.

— Я пошла, мамонька. Я только издали, мамонька. Издали.

И ничего больше не сказала Матрена Пименовна, только когда увидела в окно свою дочь, вздохнула: Клава — совсем она взрослая. Бог судья ей.

ВЕСЕЛАЯ и бездумная, выпорхнула Клава из ворот и сотню, а может две сотни шагов прошла, не чуя под собой земли, — вся радовалась, что вырвалась из дому, но постепенные шаги ее стали замедляться, а перед выходом на сельскую площадь она совсем остановилась.

«Клава, Клава, — укоряла она сама себя, — будто ты и гордость свою потеряла. Сама идешь. А что же делать? Что? Вернуться надо и идти на работу. Вернись, Клава». Но повернуть назад у нее не было сил. Шла. Вот школа, а за нею третий дом справа — дом Лузановых, высокий, широко размахнулся по дороге. На крутой крыше белая труба. Из трубы валом валил дым. Под воротами лежал сытый кабан. Возле него ходили куры. Все было по-будничному просто, так, как было вчера, словно и не уезжал сегодня Сергей. А ведь без Сергея этот дом хоть досками заколоты, ничто его уже не украсит и не оживит.

Клава прошла мимо Лузановского дома. Без всякой надобности завернула к Лизе Котиковой и опять шла возле заветного дома, с нетерпеливой надеждой вглядываясь в его окна: не мелькнет ли в зелени цветов лицо Сергея. Нет, не видать, каменное сердце его.

— Раз три или четыре прошла Клава от школы к правлению, и ей уже стало казаться, что все село видит и понимает, зачем она тут. Девушка задыхалась в своем отчаянии и обиде и вдруг, плохо сознавая, что делает, пересекла улицу, толкнула тяжелые ворота и вошла во двор Лузановых. Из-под амбарных ступенек навстречу ей бросился большой черный пес, загремел кованой цепью, захрипел в бесильной злобе, уронил прислоненную к стене амбара метлу и начал грызть ее.

На крыльце появился сам Лука Дмитриевич. Он, видимо, выскочил прямо из-за стола и в аборках дожевывал что-то, ворочая массивными челюстями. На нем была гимнастерка защитного цвета, без ремня. В расстегнутый ворот выглядывала белая рубашка. Лука Дмитриевич, замаяхнул на пса руками, тесня его в угол к ступенькам:

— Уймись, дьявол. Это Домна опять забыла тебя тут. (Днем, чтобы собака была злее, Лузановы запирали ее в темном амбаре).

— Проходи теперь, не бойся, — обернувшись сказал хозяин Клаве и потащил пса за ошейник в квадратную с белеными косяками дверь завозни.

— Здравствуй, — не своим голосом сказала Клава, войдя в избу. Никто не отозвался ей. На столе тоненько попискивал самовар. На табурете у окна во двор стоял чемодан, к нему был приставлен вешевой мешок. Клава кашлянула и поздоровалась вдругорядь. Из горницы вышла Домна Никитична.

— Ой, да тут гостья, — всплеснула она руками. — Проходи. Садись. Чего ты спозаранок?

— Я слышала, Домна Никитична, Сергей ваш в город будто едет?

— Совсем, Клава, уезжает. Вот собираю. Собираю и плачу.

В избу вернулся Лука Дмитриевич, взял с лавки ремень и подпоясался, потом, приготовив надеть фуражку, предупредил:

— Не пустословила бы, слышишь. Я пошел за лошадей. Собирай его.

— Чего он тебе понадобился, Клава? — вернулась Домна Никитична к прерванному разговору, когда дверь закрылась за хозяином.

— Письмо, Домна Никитична, хотела отправить с ним, — не моргнув глазом, солгала Клава, но почувствовал на себе пристальный взгляд хозяйки, залилась вдруг предательским румянцем.

— Письмо? Кому ты его?

— Разве мало людей на свете?

— Людей-то много, Клавушка, да только, сдается, мы с тобой об одном горючимся. Сережа. Сережа...

Домна Никитична еще несколько раз позвала сына и ушла к нему в горницу сама. И только, вероятно, успела сообщить ему о приходе гостя, как Сергей сразу же поспешил навстречу. Был он заспан, по-мальчишески взъерошен, свой Клаве, до муки родной. Мать не вышла из горницы, и в избе они были одни.

— Доволен? Сама вот пришла. — Клава внимательно и ясно глядела в его глаза, и он смутился, пойманный на себя-любимой гордой мысли, заговорил путано, сбивчиво:

— Что ты, Клава. Закрутился я... Пойми вот...

— Об этом потом, Сережа, после, — горячим шепотом прервала его девушка, по-прежнему глядя в упор на парня своими продолговатыми глазами.

— Отец вот пошел за лошадей, а ты с ним не поедешь. Пойдем пешком. Я провожу тебя. Одна провожу. Потом пойду назад и всю дорогу буду плакать. Что молчишь-то? Я пошла, Сережа, и стану ждать тебя за мостом.

— Я приду, Клава. Сию же

минуту смотаюсь. Славная ты моя...

Он хотел обнять ее, но она строго повела бровью и, кокетливо склонив голову, вышла из дому.

— Чего она приходила? — поинтересовалась потом Домна Никитична.

— Чего, чего. Разве вы поймете? — неласково ответил Сергей.

ПРЯЧА глаза под низко опущенным платком, она сидела на упавшем телеграфном столбе у дороги, где обычно дядловцы поджидают попутные машины в город. Рядом стоял еще не обмытый дождями, но жирно подсмоленный у подошвы новый столб. Он тихо гудел, рассказывая о чем-то своем и грустном. Грустно и у Клавы на сердце. Ей кажется, что после того, как уедет Сергей, наступит зкат ее молодости, потемнеет вся ее жизнь. Каким коротким и крохотным оказалось ее счастье. Лучше бы совсем не было его, тогда чего-то бы можно ждать...

Она беспокойно поглядывала на мост — там ни души. А может Клава просто ничего не видела своими затуманенными слезой глазами.

По дороге от города верхом на коне скакал шибкой рысью участковый агроном Мостовой. Он, как всегда, без фуражки, в седле сидел легко и молодцевато.

И. Аккулов

Увидев Клаву, придержал коня и свернул с насыпи дороги на поляну, подъехал ближе. Спустился.

— В город?

— Здравствуй, Алексей Анисимович.

— Я и так здравствую. Ты будь здорова. В город, спрашиваю?

— Туда.

Мостовой сел рядом, не выпуская из рук повода уздечки. Конь почти ткнулся головой в спину хозяина, потом отступил, оскаленными зубами почесал переднюю ногу и вдруг осторожно вскинул голову, через большие чуткие ноздри потянул воздух.

— Клавушка, ты бы не ездила, — ласково попросил Алексей. — Семянные участки на пшенице я подобрал, — слушай, заглядень. Одно заглядень. Убирать надо — осыпаются. А у нас людей нету.

— Не пойму я вас, Алексей Анисимович. У меня свое горе.

— Какое же у тебя может быть горе, когда осыпается семянная пшеница. Осыпается.

Клава ответила не сразу:

— Для меня хоть все вы осыпается. Я Сергея провожаю.

— Ах, вот оно что. Ну-ну. Так бы и сказала. Но ты не печалься, Клавушка. Разве мало у нас ребят остается.

— Что вы против него. Алексей за шутку принял слова Клавы и с улыбкой заглянул в ее лицо, готовясь поддержать ее шутку, но глаза девушки были так задумчиво печальны и

так безразличны ко всему окружающему и к нему, Алексею, что агроном совсем неожиданно для себя вспыхнул обидной ревностью: «Чем же он, этот себялюб, взял ее? Чем? Пусть едет, а мы еще поглядим, чья ты будешь...».

— А вон и Сережа, — Клава широко и радостно раскрыла глаза, просияла, будто умылась радостью. Поднялась, совсем уже забыв о собеседнике.

— Чего он к тебе присоведился? — Сергей кивнул вслед уезжавшему Алексею.

— Да так вот. Ехал мимо и остановился.

— У него как-то все дороги мимо тебя.

— Для парней я, Сережа, приметная.

Сергей долго угрюмо молчал, потом, хмурясь бровями, предупредил:

— Ты с ним не очень-то, а то...

— Я и так, Сережа. Смешной ты. Нужен он мне.

ОНИ шагали пешком. Его чемодан несли на палке. Дорога до Окладина все двадцать километров лежала по берегу Кулима. Слева река. Справа поля и березовые перелески. От них пахло выслевшим хлебом, свежей соломой и подвянувшим березовым листом. Жаркое августовское небо какое-то белесое, выгоревшее; по нему не часто плыли нежно-белые сверху и синеватые, как подмоченный снег, снизу облака. Дальше и ближе к земле облака были сдвинуты густо и тесно.

Клаве шагалось легко, будто и не было у ней никаких печалей. Она давно разулась, приладила свои туфли к чемодану и топала крепкими мягкими ногами по пыльной, усыпанной сеном и соломой дороге.

— Может вернуться еще, — говорила Клава. — Не сдашь экзаменов и прикатишь. Или обо мне вдруг смертно затоскуешь... ха-ха.

— Тебя буду все время вспоминать. Вот такой, босоногой, простецкой, моей.

— А я знаешь, Сережа, о чем думаю? Сказать? Не вернуться ты к нам в Дядлово.

— Глупая ты, Клава. Если я и задумаю бросить Дядлово, так все равно вернусь ради тебя. Ведь такой, как ты, мне больше не найти.

— Наскажешь, не найти. Таких, как я, в городе пруды пруди. Забудешь. Чего уж там. Сердце у меня чует.

Клаве хотелось плакать. Уже перед самым отходом поезда, Сергей взял в свои руки горячие руки Клавы, с ласковой силой пожал ее жесткие пальцы и, глядя в непостижимую глубину ее глаз, спросил о том, о чем боялся говорить прежде:

— Ждать будешь, Клава?

— А как думаешь?

— Всяко можно думать. Четыре года.

— Хоть десять, хоть двадцать. Мы, бабы, умеем терпеть и ждать.

— Значит, как солдатка? — Считаю так.

Недели через две Клава получила от Сергея первое письмо. Не сбылись ее тайные надежды: Сергея приняли в институт.

Редактор В. ДВОРЯНОВ.

ДАШ ТЕЛЕФОН: 41-33-45
Адрес: ул. ПЕРВОМАЙСКАЯ 60 комн. 5

Газета выходит в среду и субботу.

НС 00001. Заказ № 26625.

Тип. изд-ва «Уральский рабочий», Свердловск, пр. Ленина, 49.